

Игорь ЯКОВЕНКО

Цивилизация и варварство в истории России

Статья I. Варварство: социологическая модель

Понятию «варвар» не повезло. У нас отсутствует традиция философского и социологического осмысления соответствующего феномена. Слова «варвар», «варварство» ассоциируются с публицистическими контекстами или изданиями хронистов древности. Советская наука обходила это понятие, предпочитая говорить о доклассовой периферии государственности. Между тем варвар — одна из древнейших исторических категорий. В этом образе нашла свое парадоксальное, негативное выражение рефлексия утверждавшейся на Земле цивилизации. Осознавая нечто как чуждое, противопоставленное, цивилизация постигала свою собственную природу.

И само противопоставление варвар—цивилизация, и его участники представляют собой специфический архетип, чрезвычайно устойчивую модельную структуру. Человек цивилизации и варвар — не случайные маски, но устойчивые персонажи истории. Тысячекратно повторяясь в череде поколений, они реализуют альтернативные стратегии жизни, различные модели обживания космоса.

Рассуждения о проблеме варварства требуют одной существенной оговорки. Разумеется, сами варвары никогда себя так не называли. Этот ярлык закрепила за ними цивилизация. Слово «варвар» рождается в лоне цивилизации для обозначения качественно иного, противопоставленного цивилизации человеческого бытия и поэтому неотделимо от оценки. Цивилизация боролась с варварами не на жизнь, а на смерть и в долгой, растянувшейся на тысячелетия, борьбе одолела, уничтожила изначального варвара. Само же понятие «варвар» превратилось в устойчивый образ, сконцентрировавший в себе специфический набор остро негативных черт, связанных с неадаптированностью в современном обществе, агрессивным отношением к государству, жестокостью, презрением к человеческой жизни, культурным ценностям и т. д. Понятие «варвар» неизбежно насыщено мощнейшим аксиологическим содержанием. Поэтому оговорюсь: мое отношение к рассматриваемому феномену принципиально внеоценочно. Я провожу исследование с позиций стороннего наблюдателя, который сталкивается с устойчивой типологией человеческого бытия, с некоторой социокультурной стратегией, до сегодняшнего дня не утратившей своих потенций. А это значит, что варвар и варварство останутся и в обозримом будущем пребудут как существенные моменты бытия человечества.

Понятие «варвар» имеет долгую историю. С веками содержательное напол-

Яковенко И. Г. — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института национальных проблем образования Министерства образования РФ.

нение его изменялось и уточнялось. Само это слово принадлежит античности. Греки и римляне называют варварами всех чужеземцев, отличавшихся по культуре и говоривших на непонятных языках. Прежде всего это были обитатели догосударственной периферии античной цивилизации — скифы, германцы. Но наряду с этим варварами называли и представителей других цивилизаций — персов. В средневековье понятие «варвар» сплавляется с определяющей для теоцентристского общества конфессиональной идеей. Варварами осознаются язычники, иногда иноверцы. Таким образом, и в античной, и в средневековой традициях варвар понимается прежде всего как носитель стадияльно предшествующей культуры. Вместе с тем варваром могли назвать и представителя иной, противостоящей цивилизации.

Представление о варваре не является исключительным достоянием европейской культуры. Оно возникает и в Китае. Причем и здесь понятие, соответствующее нашей сегодняшней трактовке варвара, утверждается в глубокой древности. Конфуций пишет о двух персонажах, которые можно определить как устойчивые культурные типы. Это: «цзюнь-цзы» — благородный муж и «сяо-жень» — дикий, некультурный человек. При этом суть «сяо-жень» именно в отсутствии культуры, вне зависимости от национальных или географических отсылок. Наряду с этим в китайской и японской литературе варвар — презрительное обозначение любого иноплеменника, не знающего языка страны и ее культуры.

Эпоха буржуазных революций разорвала связь варварства с конфессиональной идеей. Секуляризирующееся сознание выделяет собственное культурное ядро варварства. Интерес человека Просвещения к варварству не случаен. Именно в эту эпоху оно сходит с исторической арены, и европейская культура утрачивает устойчивый контакт с варварским миром. Как показывает история культуры, описание и историческое схватывание каких-либо явлений часто связаны с их угасанием, превращением в раритет. Когда нечто фундаментальное уходит из нашей жизни, рождается своеобразный вакуум. С одной стороны, возникает необходимость для осознания ретроспектива, с другой — естественное стремление закрепить уходящее. Непосредственное бытие плавно переходит в бытие-в-текстах, в сферу отчужденного и закрепленного культурного опыта¹.

Подводя черту под беглым изложением истории понятия, отметим один момент. В то самое время, когда оформляется современное понимание варвара, рождаются еще две фундаментальные категории, соотносимые с варварством, — культура и цивилизация. Понятия «культура», «цивилизация», «варварство» попадают в поле европейского сознания в XVIII веке. Дальнейшее развитие гуманитарного знания неотделимо от постоянной рефлексии и уточнения лишь двух первых — культуры и цивилизации. Варварство было обойдено вниманием исследователей. Возможно, сказались прогрессистские иллюзии, в рамках которых последнее осознавалось как исторически преодоленное явление.

В чем качественная специфика цивилизации как этапа развития культуры? Культура понимается мной как специфический, присущий человеку способ бытия, который позволяет ему более эффективно решать задачи, присущие всему живому. В культуре человек обрел конкурентные преимущества по отношению к другим видам. Далее, в ходе своего развития первоначальная, архаическая культура расслоилась, выделив из себя еще одну, более эффективную стратегию жизни — цивилизацию. Последняя сразу обеспечила резкое наращивание конкурентных ресурсов человека по отношению к архаической культуре. Это выразилось в скачкообразном росте населения². Затем цивилизация несла в себе способность к практически безграничному наращиванию своего потенциала.

¹ Ближайший пример головного рода приходится на 70—80-е годы XX века. Смерть традиционной русской деревни и яркий всплеск литературы «деревенщиков», закрепивших «Русь уходящую» и пропевших реквием по ушедшему навсегда, поразительно синхронны.

² Так, известно, что при распаховании плодородной степи земля, которая необходима для существования семьи одного кочевника, способна прокормить до 2 тыс. земледельцев.

Для того чтобы уяснить, в чем состоит существо различия архаической культуры и цивилизации как двух различных стратегий существования, введем понятие *цивилизационного* (культурного) *ресурса*. Понятие «культурный ресурс» имеет смысл для архаического общества. Цивилизационный ресурс — для цивилизации. Понятие «цивилизационный (культурный) ресурс» оценивает некоторый результат преобразующей деятельности человека, взятый в конкретный момент. Оценивает его в объемных и качественных характеристиках.

Цивилизационный ресурс — итог социокультурного развития и одновременно условие дальнейшего развития. Вписывая себя с помощью культуры в мир, человек постоянно воздействует на окружающую природу, на самого себя, формирует и совершенствует механизмы социального взаимодействия, преобразуя таким образом собственную и окружающую природу, материальную и духовную. Результат этой необозримой по объему деятельности в его позитивной части, рассмотренный как средство для выживания и дальнейшего развития общества, отражается в понятии цивилизационного ресурса. Сюда войдут исходное здоровье общества и экологические характеристики среды, в которую оно вписано, качество (мера неэнтропии, оптимальности, устойчивости) экономики, социальной системы, качественные характеристики технологической культуры, культуры социальных взаимодействий, объем и качество предметного тела культуры и т. д.

Общество постоянно потребляет цивилизационный ресурс и столь же постоянно воспроизводит его в логике расширенного воспроизводства. Глубинная сущность цивилизации состоит в том, что, используя, потребляя, а значит, расточая, выводя из оборота результаты предшествующей упорядочивающей деятельности, общество с необходимостью воспроизводит *большие* объемы цивилизационного ресурса, расширяя тем самым пространство знакового, нормативного, предметного, социального универсума. В расширенном воспроизводстве собственного ресурса цивилизация реализуется в своей основной сущности как интенсивная стратегия выживания человека разумного на Земле.

Принципиальное отличие архаической культуры от цивилизации состоит в том, что объем культурного ресурса константен. Это некоторая постоянная величина, гарантирующая устойчивое воспроизводство социокультурного организма. Он также расходуется архаическим обществом и воспроизводится им, но уже в логике простого воспроизводства, в объемах и качественных характеристиках, соответствующих исходному состоянию. Архаическая культура структурирована жесткими механизмами, блокирующими расширенное воспроизводство исходного универсума. Архаический человек ориентирован на абсолютную неизменность бытия. Культура ограждает его от новых, беспрецедентных моделей поведения, желаний, потребностей³. Далее, архаическая культура блокирует простое накопление продуктов труда, запасов. А простое накопление является первым и неустранимым этапом на пути движения к качественному наращиванию ресурса⁴. Архаический человек воспринимает данный ему от рождения культурный ресурс как абсолютно необходимый, но так же как и абсолютно достаточный. Он органически не в состоянии как недовоспроизвести, так и перевоспроизвести его. Архаические культуры могут меняться, но все изменения при этом происходят в рамках постоянного объема культурного ресурса. В этом случае одни модели, навыки и идеи замещают другие. Дело не только в том, что архаическая культура ограничена лимитом объема коллективной памяти, отсут-

³ Классической иллюстрацией этому служит известный в этнографической литературе диалог между американской туристкой и человеком из архаического племени, не встречавшим ранее белого человека. На предложение подарить ему что-нибудь мужчина (воин) ответил: «Зачем? У меня все есть».

⁴ Прежде всего этому служит система распределения, в соответствии с которой член коллектива не сам распоряжается результатом труда, но отдает его в руки старейшего. Позднее, с распадом архаического коллектива и становлением моногамной семьи возникает опасность расслоения между семьями. В ответ на это складывается система праздников, смысл которых — извести, расточить любые излишки, если они возникли. Яркий пример — обычай «потлатч», в соответствии с которым американский индеец на празднике буквально расточает, уничтожает нажитое годами, «обменивая» нажитое имущество на социальный престиж.

ствуется письменный канал коммуникации, не существует механизмов накопления информации. Сама природа такой культуры задает константный характер ресурса. Эта стратегия бытия создает соответствующий ей культурный субъект — архаического человека, ориентированного на самые примитивные формы хозяйства и постоянное их воспроизводство и т. д. Чудо рождения цивилизации в том и состояло, что однажды родилась и закрепилась стратегия жизни, связанная с наращиванием культурного ресурса.

Однако как только появляется и укрепляется цивилизация, возникает еще одна, третья стратегия человеческого существования — варварская.

С первого взгляда может показаться, что понятие «варвар» распространяется на всех и вся, что лежит за пределами цивилизации. Но по своему смыслу это понятие уже. Варвар дан цивилизации *в столкновении* с ней. Это — человек, принадлежащий обществу, находящемуся на стадии архаической культуры, которое столкнулось с цивилизацией и испытало на себе ее воздействие. Варварский мир составляет внешний пояс, ближнюю периферию цивилизации, которая формируется в постоянных экономических, культурных, военных контактах. Глубокая периферия, не затронутая трансформирующим воздействием цивилизации, представляет чисто архаическую культуру.

Первое и очевидное следствие этого состоит в том, что феномен варварства *не имманентен* по своей природе. Варварский мир относится к классу явлений, которые сложились не в русле саморазвития, но как следствие цивилизационного «прогрева», постоянного взаимодействия архаического общества и цивилизации. Многообразные взаимоотношения с окружающей архаической периферией — условие существования цивилизации. Последняя использует свою периферию как источник самых разнообразных ресурсов, рабочей силы, принимает варварские дружины на службу, формирует буферные раннегосударственные образования, торгует, воюет с варварами и т. д. В результате устойчивого взаимодействия архаическая социокультурная целостность необратимо трансформируется, рождая особый феномен — варварский мир.

Исследуя этот мир, мы с самого начала должны отбросить те архаические общества, которые были органически не способны к встрече с цивилизацией. Надо помнить о том, что архаический мир был весьма подвижен. Те племена, которые не желали иметь дело с государственностью, просто уходили на другие территории. Варвар — тот, кто *принял* цивилизацию как фактор своего существования, как неизбежную и неустрашимую реальность.

Принял, но далеко не отождествился с ней ни субъективно, ни объективно. Варвар существует в иной позиции — слегка отступив от цивилизации. Для него равно необходима как достаточная близость, так и жесткая дистанция по отношению к цивилизации. Эта позиция позволяет варвару сохраняться в своем устойчивом качестве⁵, создавать устойчивый *синкретизм*, объединяющий архаическую культуру и элементы цивилизации в парадоксальное единое целое⁶.

Между тем архаическая культура и цивилизация — две глубоко различающиеся сущности. Объединение отдельных элементов цивилизации и архаики в рамках единого целого создает сложную, внутренне напряженную структуру с массой разрывов, конфликтов и противоречий. Эти моменты входят в социальную ткань, проникают на уровень сознания и подсознания, задают психологический тип, стиль и образ жизни, пронизывают все существо варвара и его культуру. Отсюда устойчивые специфические черты: повышенная агрессивность, резкие скачки от оцепенения к горячечной активности. Режущие глаз человека

⁵ Гораздо позже, когда цивилизация рухнет, переживший ее, а значит, утративший страх перед растворением в цивилизации поздний варвар может объявить себя ее наследником, принять внешние формы цивилизации и субъективно отождествиться с последней.

⁶ Одно из самых ярких проявлений неимманентного характера варвара — его несамодостаточность, принимающая иногда клинические формы. Цивилизация как точка отсчета и объект особого амбивалентного отношения занимает в сознании варвара неизмеримо большее место, чем варварский мир в сознании цивилизации.

цивилизации переходы от безудержной похвальбы к заискиванию. В бою — мгновенные переходы от жестокой, насмерть схватки ко всеобщей панике. Чтение источников рождает ощущение того, что варвар часто сам не представляет, что он будет делать в следующий момент. Но это — самый первый, наиболее зримый уровень. *Слабая* интегрированность и внутренние противоречия варвара и его культуры заложены во всех срезах. Они составляют одну из наиболее ярких характерных черт явления.

Варвар, варварство — чистые примеры устойчивой формы *паллиации*, переходного состояния, сочетающего в себе элементы большого общества и племенного быта, цивилизации и доцивилизационной архаики. Однако в данном случае паллиативность никак не свидетельствует о временном или неустойчивом характере явления. Варварство паллиативно в том отношении, что сочетает в себе два сильно различающихся основания, а о переходном характере его можно говорить, имея в виду самую широкую историческую перспективу.

Вообще говоря, существует устойчивая аберрация европейского сознания, которое склонно мыслить мир феноменов целостными эйдосами. Вопреки нашим познавательным иллюзиям, притягивающим внимание к «чистым» формам, в реальном бытии значительная доля явлений носит сложносоставной, паллиативный характер. И часто такие явления демонстрируют исключительную устойчивость.

Устойчивость варварства свидетельствует об одном — оно адаптивно. Там, где цивилизация сталкивается с архаическим, стадильно отстоящим обществом, где возникает значительный градиент между культурами и устойчивое воспроизводство архаического общества становится невозможным, варварство как социокультурная ориентация, как стратегия бытия проявляется снова и снова в самых разнообразных обликах и формах⁷. Значительная часть архаических субъектов избирает варварство как способ жизни в резко изменившемся мире и самоорганизуется в варварские структуры⁸.

Самая яркая характерная черта варвара — насыщенное мощным эмоциональным содержанием глубоко амбивалентное отношение к цивилизации. Весь спектр отношений варвара к цивилизации определяется фундаментальным противоречием: варвар не может жить *без* цивилизации, но еще в меньшей степени он способен (и желает) жить *в* цивилизации. Данная мысль нуждается в пояснении. Нечто подобное можно сказать о мигрантах, которые оседают в пригородах мегаполиса. Однако последние принимают город, хотя и не отождествляются с ним, и находят удобную меру дистанцированности, позволяющую, сохраняя многое из привычного, обрести желаемое. Мигранты сдались, приняли город как неизбежность, как ценность. Они — одиночки, продукт распада традиционного общества. Варвар же принадлежит к устойчивой социокультурной целостности, которая не готова ни отказываться от цивилизации, ни смириться с ней⁹. Если для мигранта его дистанция — лишь способ адаптации, логическим завершением которой будет полное слияние с миром города, то варвар напряженно противостоит цивилизации, сохраняя свой варварский космос, свою культуру как не тождественную цивилизации. Иными словами, здесь мы сталкиваемся с гораздо более напряженной и драматичной конструкцией.

То, что притягивает варвара к цивилизации, можно обобщить в слове «блага». Существует нечеткое, обобщающее понятие «блага цивилизации». Оно охватывает сумму предметов, моделей поведения, социальных механизмов, особую информационную и социальную среду. Блага цивилизации — это блок механизмов,

⁷ Меняются именно формы. Так, к примеру, разбой, работорговля, пиратство сменяются рэкетом, организованной торговлей наркотиками, человеческими органами для пересадок и т. д.

⁸ Принципиальная разница с эпохой классического варварства состоит в том, что сегодня существуют альтернативные варваризации механизмы вписывания человека из архаического общества в цивилизацию — работа, напряженная учеба, овладение законами современного мира и т. д.

⁹ Здесь уместно вспомнить мифологему особого, третьего пути. Идеино-психологические корни ее — в описанной типологии сознания.

которые оформляют все базовые потребности человека, формируют новые, задаваемые культурой, и позволяют реализовать всю сумму оформленных культурой потребностей. Как явление стадийно более позднее цивилизация может дать все, на что способна архаическая культура и еще многое сверх того. Столкнувшись с этими соблазнами, доисторический человек быстро утрачивает невинность и отказывается от строгой простоты архаической жизни. В этот момент он и превращается в варвара.

Однако наследник распадающегося архаического общества, варвар, органически не способен вписаться в цивилизацию. Он лишен тех культурных и психологических качеств, которые необходимы для ведения производящего хозяйства и жизни в рамках государства. Необходимы многие поколения жизни бок о бок, прежде чем поздний варвар обретает возможность войти в государство хотя бы на периферийных ролях — пограничная служба, варварские дружины в армии, массовые поселения в провинциях и др. Отсюда жесточайший конфликт: варвар желает иметь то, чем он не может себя обеспечить. Ему остается отнять. И поэтому: «В глазах кочевников оседлые безвольны, изнежены, растрелены, крайне властолюбивы, в общем — недостойны тех благ, которыми они обладают. И было бы справедливо, чтобы блага эти перешли в руки более сильного»¹⁰.

Итак, цивилизация вожделенна: она рождает желанные и необходимые блага, но одновременно она смертельно опасна. Дело в том, что цивилизация несет смерть варвару. Она уничтожает варвара как культурный тип, перемалывает и разъедает варварский мир. Известно, что при встрече более сильная культура обесценивает все, чем живет племя в лоне архаической культуры. Аборигены теряют смысл жизни, начинают вымирать. Такова судьба множества малых народов и архаических племен, сталкивающихся с цивилизацией во всем мире. Совершенно иначе складывается судьба варварского мира; он находит силы противостоять цивилизации. Здесь нам открывается *телеология варварства*. Варварский мир можно рассматривать как ответ мира доцивилизационной архаики на вызов цивилизации. Варварское общество есть самоорганизация архаической целостности, которая, ассимилировав отдельные элементы цивилизации, создает общество, способное противостоять последней. В широком историческом контексте варварство оказывается лишь способом ассимиляции (через конфликт) и механизмом принятия цивилизации. Но это лежит за пределами сознания субъектов взаимоотношений варвар — цивилизация. Варвар боится, ненавидит и дистанцируется от цивилизации. Культура варварского общества воспитывает страх и ненависть к своей исторической альтернативе, рождает жгучее презрение к предателям, променявшим вольную волю кочевий на похлебку цивилизации.

Отсюда специфически двойственное, амбивалентное отношение к цивилизации. Варвар постоянно желает обладать итогами цивилизации (в той их части, которая доступна его кругозору), ее продуктами, но отказывается от порождающего их целого. Им владеет несбыточная, детская идея — уничтожить государство, окончательно утвердить вольную волю и одновременно получить много, много «вещей».

Интересно, что и отношение варвара к «вещам» так же двойственно. Продукты цивилизации одновременно и вожделенны, и вредоносны, опасны. Их не должно быть слишком много. Нельзя воспроизводить целостную предметную среду цивилизованного мира — от этого всего шаг до измены варварской культуре. Нельзя воспринимать целостные модели образа жизни. Варвар вырывает вещи из их естественного контекста, использует их по-другому, фрагментарно, вне начальной функции. Предмет, созданный в цивилизованном мире, желательно надбить, надорвать, т. е. лишить магической целостности и тем самым включить в «наш» мир. Чужими вещами пользуются специфически варварски, с тем чтобы как можно скорее сломать и выкинуть. Только такое, одновременно профанирующее и разрушительно-дистанцирующее использование допустимо и не

¹⁰ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987, с. 38.

несет в себе опасность для души варвара. Стенька Разин, бросающий за борт княжну,— эталонно чистый пример описанного отношения к чужеродным радостям. Дорогие вещи из чужого мира закапываются в клады, топятся в море, дарятся подручным, кладутся в могильник. Их использование указывает на магический, знаково-символический характер этих вещей, выступающих знаками славы и удачи воина¹¹.

Варвар потребляет цивилизацию особым образом. Прежде всего он разрушает ее, уродует и в таком виде во фрагментах и элементе ассимилирует в свой варварский космос. Чем сильнее варвара тянет к цивилизации, ее благам и моделям жизни, тем мощнее поднимается в нем потребность разрушить последнюю. Цивилизация воспринимается как дьявольская, прельщающая, хаотизирующая варварский космос стихия. Отсюда такое специфическое явление, как *вандализм* — рационально не мотивированное уничтожение мира цивилизации, обращение его в хаос.

Здесь необходимо вернуться к понятию цивилизационного ресурса. Варварское общество характеризуется специфическим отношением к этому ресурсу. Если архаика воспроизводит культурный ресурс в качественно неизменном виде, а цивилизация постоянно наращивает свой ресурс, то варварский мир (вторичная архаика) может существовать лишь при условии *расточения*, срабатывания или снижения уровня сложности цивилизационного ресурса. Срабатывание — это особый род использования: без воспроизводства¹². Оно связано с ускоренным выводом из оборота, уничтожением, примитивизацией и использованием не по назначению. Срабатывание предполагает особое, варварское отношение к срабатываемому — презрительно-враждебное — как к сущностям, не имеющим позитивной ценности.

Варварский мир постоянно расточает какое-то количество цивилизационного ресурса. А поскольку деградируемые сущности ускоренно выводятся из оборота, общество постоянно нуждается в восполнении запасов. Ради этого оно совершает набеги и облагает соседние города данью, ведет войны, участвует в работорговле, продает свои природные ресурсы, нанимается на службу, отвоевывает принадлежащие цивилизации территории с тем, чтобы поселиться на них и некоторое время «красиво» жить в разрушаемой предметной среде. Иными словами, делает все, чтобы заполучить искомые и необходимые вещи, идеи, технологии.

Расточение цивилизационного ресурса — органическая потребность и атрибутивное свойство варвара. Варварский мир извлекает энергию и негэнтропию из разрушения того, что создано цивилизацией¹³. Сценарии этого бесконечно разнообразны. Это и варварская эксплуатация захваченных территорий и производств (например оросительных систем), эксплуатация покоренных народов, принадлежащих цивилизации, деградирующее использование знаний, системы социальных отношений и моделей политической жизни, технологий, достижений культуры. Естественно, варварское общество живет *не только* за счет расточения цивилизационного ресурса. Оно имеет собственную экономику, иногда довольно развитую. Однако условие существования такого общества — постоянная подпитка за счет цивилизационного ресурса, который срабатывается, частично усваивается и в варваризованных формах входит в жизнь. В тот момент, когда варварское общество начинает полностью воспроизводить имеющийся в его распоряжении цивилизационный ресурс, оно переходит порог, разделяющий варварство и цивилизацию.

¹¹ Подробнее см. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1987.

¹² В поздневарварских обществах использование без воспроизводства сменяется суженым воспроизводством, варварским воспроизводством, т. е. созданием ухудшенных, варваризованных форм изначального цивилизационного материала.

¹³ Эта стратегия вписания в мир не умерла и живет рядом с нами. Варварский способ понимания, т. е. усложнения своих ментальных структур через разрушение, демонстрируют малые дети, ломая игрушки. Вообще, в этнографии детства множество моментов восходит к феноменологии военной демократии и варварства. Так, дети берут на себя доламывание ветхих предметов — зданий, автомобилей, выброшенных вещей и т. д.

В истории есть примеры развития, когда раннее варварское государство утрачивает возможность устойчиво пополнять цивилизационный ресурс. В таком случае оно довольно быстро деградирует. Ближайший пример такого рода — Золотая Орда. Монгольская империя в процессе своего становления ассимилировала огромный блок цивилизационного ресурса — новейшую военную технологию, разработанную бюрократическую систему, получила кадры грамотных чиновников и специалистов. Но все это легло на чисто варварское общество, не способное к позитивному саморазвитию и ориентированное на хищническую эксплуатацию. История выделившейся из Империи Золотой Орды сложилась так, что в силу ряда геополитических и военных факторов Улус Джучи был лишен возможности постоянно и энергично подпитываться извне. Орда рутинно воспроизводит усвоенное при рождении, мельчает и за 100—120 лет приходит в упадок.

Срабатывание цивилизационного ресурса пронизывает все уровни варварского универсума. На уровне общества оно выступает условием его существования. На уровне отдельного субъекта — расточение, прожигание цивилизационного ресурса — врожденная, органическая потребность. Разрушая и подвергая насильственной деградации среду цивилизации, варвар самоосуществляется, переживает высшие, сладостные мгновения своей жизни, реализует глубинную экзистенциальную потребность. Если для человека цивилизации естественно постоянно и бесконечно упорядочивать мир, наращивать созданную человеком среду на всех уровнях и во всем диапазоне своего самоосуществления, то варваром движет потребность хаотизировать, разрушить «чересчур» продуманный, упорядоченный, слишком удобный, аккуратный, незагаженный мир цивилизации. В сознании варвара звучит древний завет архаической культуры, согласно которому культурный ресурс — жесткий и абсолютно минимальный набор вещей и идей. Все же, что сверх этого: опасная блажь, ненужная и враждебная природе человека. Снижение уровня сложности инокультурной среды — способ освоения, «очеловечивания» пространства, разновидность особого, варварского *упорядочивания*. Подвергая насильственной деградации пространство иной культуры, варвар превращает отчужденное и враждебное в свое и родное.

Как и доисторический человек, варвар несет глубоко архаические, природные по своему характеру принципы в сферу этики и социальных отношений — стратегию хищника, право сильного, законы стаи, т. е. зоосоциологические принципы социального структурирования. В его сознании цивилизация занимает место природы, она переживается как объект охоты и собирательства. Эта природа сложна, непонятна и изначально враждебна, как враждебна для патриархального земледельца дремучий лес. Ее надлежит корчевать, хищнически использовать и по возможности не заходить слишком далеко вглубь. Данные варвару модели миропонимания и переживания Вселенной неадекватны цивилизации. Мало того, внутренняя логика зрелой государственности отрицает культурный космос варвара и разрушает его сознание. Иными словами, цивилизация иноприродна варвару и агрессивно враждебна его сути. А по всему этому ее надо: во-первых, подавить и разрушить, лишит активного созидющего начала; во-вторых, упростить, сделать естественнее и понятнее. Эти импульсы задают бесконечную феноменологию, объединяемую в понятиях «варваризация», «деградация», «примитивизация». Полуразрушенный, буквально и фигурально загаженный¹⁴, сведенный к простейшим функциям мир деградировавшей цивилизации становится понятным и комфортным. Переживший варварскую деструкцию мир есть тот компромисс между архаикой и зрелыми формами культуры, который приемлем для позднего варвара.

Отношение варвара к цивилизации глубоко амбивалентно и активно деятель-

¹⁴ Загаживание глубоко не случайно и не сводится к отпавлению естественных функций организма. Это — знаково-символическая деятельность, фиксирующая ценностный статус предметной среды города, т. е. неварварского мира в сознании варвара.

но. В известном смысле варвар постоянно мстит цивилизации за то, что она вторглась в устойчивый догосударственный мир и лишила его целостности и непротиворечивости.

Варварский мир создает и впервые в истории реализует стратегию освоения Иного (инокультурного материала) через противостояние или освоение в конфликте. Это интересное явление. Как мы знаем, при встрече цивилизация разрушает архаические племена. Освоение элементов цивилизации становится условием самосохранения архаики. Однако пропорции такого освоения должны быть строго выверены. Варварское общество, лишённое контактов с цивилизацией, деградирует. Но и чрезмерная плотность потока цивилизационного воздействия губительна для варварского мира. История полна примерами, когда племена, поселившиеся на территории сильной цивилизации, быстро размывались, а бывшие варвары превращались в маргиналов цивилизации¹⁵. Как самоподдерживающаяся и самоорганизующаяся целостность варварский мир должен был создать механизм, обеспечивающий, с одной стороны, постоянный приток инкультурного материала, а с другой — жесткое регулирование объемов нового. Таким условиям удовлетворяло противостояние цивилизации. В противостояние можно было оформить специфическую тягу-отторжение, вождление пополам со страхом, которые мучили сознание варвара. Противостояние создает оптимальный режим усвоения нового. Такая парадоксальная механика освоения была удобна по многим основаниям, в том числе и психологическим, поскольку не рождала конфликт ценностей. Усвоение нового не схватывалось сознанием и происходило как бы само собой.

Противостояние варвара и цивилизации имеет собственную логику. Элита варварского общества регулирует объем ассимилируемого материала, строго следя за тем, чтобы идущее от цивилизации не захлестнуло и не поглотило варварский мир. Этому и служит практика усвоения через конфликт. Однако в стратегическом плане последовательное усвоение Иного ведет к самоотрицанию варварского мира. Существует порог, за которым освоение инкультурного материала ведет к распаду варварской целостности. По мере приближения к этому порогу напряжения в обществе и его агрессивность резко возрастают. Инокультурные, диссистемные элементы разрывают на части варварское сознание, и находящееся на переломе общество с новыми силами кидается в бой с цивилизацией. Парадокс состоит в том, что чем шире объем усвоенного инкультурного материала, тем выше агрессивность варварского общества. Кидаясь на приступ, варварское общество идет к своей смерти. Но в какой-то момент порог оказывается перейден, и целостность варварского сознания рушится. В этот момент умирает ранний, активно противостоящий цивилизации варвар и рождается поздний — смирившийся с ней, принявший цивилизацию как неизбежное и благое. Ему — позднему варвару — предстоит своя, длительная эволюция, но уже в рамках общецивилизационной целостности.

История Востока демонстрирует статичную картину смены циклов системы цивилизация — варварский мир. Это обусловлено тем, что на Востоке не было качественного развития самой цивилизационной модели и общества последующего цикла мало отличались от предшествующих с точки зрения механизма наращивания цивилизационного ресурса. «Мощность» цивилизации, т. е. потенциал преобразования окружающего мира оставался константным и балансировал около уровня самосохранения цивилизационной модели. Поэтому на восточные общества периодически накатываются волны очередных номадов, они переживают заново. Общее соотношение пространства, охваченного цивилизацией, и пространства догосударственного бытия изменяется мучительно медленно. Одни цивилизации угасают, и их территории становятся полем кочевья, другие укреп-

¹⁵ Само такое поселение свидетельствует об «усталости», слабости варварской культуры, о том, что племя готово принять цивилизацию. По сути, такие варвары — братья наших мигрантов.

ляются. Происходит более или менее устойчивое развитие двух-трех ведущих очагов, таких как Египет, Китай, которые также периодически подвергаются политическим деструкциям, упадкам, варварским нашествиям. В целом картина носит выраженно циклический и статичный характер.

Совершенно иначе складывалась история Запада. Первый в европейской истории цикл системы «цивилизация — варварский мир», цикл античности, формально завершился традиционно. Античная цивилизация потерпела крах и на ее территории утвердились варвары, сформировавшие раннегосударственные образования. Однако следующий цикл — христианское средневековье — привел к полному вытеснению варварства с территории Западной Европы в X—XII веках. Этот цикл завершается в XIII—XIV веках. Реформация, выведившая Европу на уровень глобальной перспективы, задавала следующий, третий цикл развития системы варварство — цивилизация.

Реформация и вызванная ею контрреформация открыли эру развития беспредельно динамичных капиталистических обществ. Европа перевалила потенциальный барьер, отделяющий экстенсивно ориентированные цивилизации от новой модели, в которой интенсивная ориентация входит в ядро системного качества". Подобный скачок был бы невозможен без переструктурирования всего целого. Можно утверждать, что, начиная с Реформации, европейская цивилизация повела борьбу с варварами внутри себя. Огромный пласт архаической и раннегосударственной ментальности, существовавший в средневековых обществах, перегорает в топках религиозных войн и исчезает с выстраиванием постреформационного универсума. Смерть средневекового человека и рождение человека Нового времени означали, в сущности, конец целого мира поверхностно христианизированных и цивилизованных варваров. Мир города одержал очередную победу над миром архаики.

Наращивание ресурса европейской цивилизации дало импульс центробежному движению вширь. Показательно, что Реформация и разворачивание колониальной экспансии совпадают во времени. Опираясь на новые потенции, Европа заново ставит проблему соотношения цивилизации с варварским миром, вступив в борьбу за овладение догосударственной периферией по всему Земному шару.

Так начался третий цикл. К концу XVIII — середине XIX века все скольконнибудь значительные анклавы догосударственного бытия были уничтожены. Классический варвар, как и чисто архаическое общество, становятся достоянием истории. В XX веке человечество вступило в центростремительную фазу третьего, на этот раз глобального цикла. Центростремительная тенденция утверждается повсеместно во второй половине XX века. Массовая деколонизация и затопление промышленно развитых стран волной эмигрантов из бывших колоний и отсталых, архаических обществ — самые яркие тому свидетельства.

Суммируем. История Европы может быть понята как история самопроявления имманентности, заложенной в эйдосе цивилизации. Самопроявляясь и самореализуясь, идея цивилизации являла себя миру, обнаруживая все новые и новые упорядочивающие и преобразующие мир потенции. И мое глубокое убеждение состоит в том, что этот процесс еще не закончен.

Рассматривая варварство как фактор мировой истории, следует отметить особое место варвара в процессах исторической динамики. Варвар — великий консервант истории. Во все времена самое бытие цивилизации было отягощено постоянной изнурительной борьбой и ассимиляцией окружающего варварского мира. Массы варваров постоянно вливаются в границы цивилизации и снижают «температуру» цивилизационного процесса, сдвигают культуру в сторону архаических, малопродуктивных моделей. Надо особо отметить, что приток варва-

¹⁶ Этот процесс представляется одним из величайших событий мировой истории. С этого момента и до сегодняшнего дня история человечества развивается по единственному сюжету — движение в ширь фронта волны цивилизации и дальнейшее вызревание цивилизационной модели, задающей тотальную динамизацию.

ров в зоны, отмеченные повышенным динамизмом, носит автоматический характер. Всякий раз, когда в определенном пространстве цивилизованного мира начинается «разогрев», т. е. саморазвитие культуры, нарастает сложность среды, растет плотность цивилизационного ресурса, формируются новые модели, ментальные структуры, технологии — эти места обретают особую привлекательность для варвара. Качественная динамика всегда влечет за собой рост уровня жизни, экономической активности, расширение поля возможностей для хищнического и паразитического существования. Вчерашние и сегодняшние варвары, архаический человеческий материал захлестывают зоны инновационной активности. Трущобы, чайна-тауны и фавеллы разъедают тело цивилизации. Маргинально-паразитические слои общества отягощают и разрушают цивилизацию изнутри в самых значимых для нее центрах.

При этом варвар — принципиальный противник динамики. Как паллиат он страдает от существующего уровня сложности цивилизованного мира и постоянно стремится упростить его, свести до той версии варварского универсума, которая им освоена. Всякое усложнение делает задачу вписания варвара в мир неосуществимой. Поэтому он всегда стихийно предпочитает простоту. Там же, где варварское сознание возвышается до уровня идеологии, варварская стихия порождает реакционную утопию, идеологию упрощения, эсхатологическую мифологию, осмысливающую цивилизацию как путь к бездне. Варвар-теоретик разворачивает знамена реакционно-консервативных движений, под которые устремляются массы носителей варварской ментальности.

Надо сказать, что варварство представляет собой наиболее чистое из встречающихся в природе воплощений экстенсивной стратегии бытия. Архаического человека нельзя назвать экстенсивным. Он ориентирован на экологическое равновесие с природой. Традиционные общества так же, скорее, ориентированы на сохранение равновесия. Традиционное хозяйство веками сохраняет неизменными площади запашки, используемые угодья и выпасы. Ориентированная на динамику современная цивилизация по самой своей сути интенсивна, каждый шаг цивилизации — шаг в сторону интенсификации. Варвар же экстенсивен изначально. Познав радость потребления благ, он отказывается их производить. Для того чтобы получить желаемое, варвар грабит окружающие общества или, если не имеет на это сил, грабит страну, в которой распоряжается. Работорговля, продажа мехов, экспорт невозполнимых природных ресурсов лежат в одном сущностном ряду. Варвар реализует экстенсивно-хищническое отношение к универсуму, обращая его на все доступные ему объекты — соседей, подданных, среду обитания.

Поздний варвар переходит к производству, но не только само производство, но и любая активность его всегда экстенсивны. Варвар органически не способен интенсифицировать какие бы то ни было формы своего самопроявления. Он способен концентрировать усилия, способен достигать значительных результатов. Но при всех обстоятельствах они будут иметь экстенсивную природу. Варвар не способен «выжать» больше «рутинного результата» из конечного объема материальных, человеческих, технологических ресурсов, ему не дано сделать больше и дешевле, лучше и выгоднее¹⁷. Это касается не только экономики, но и остальных форм жизни общества; политика, принципы расселения, построение системы социальных отношений — все будет экстенсивно по своей природе. Экстенсивная ориентация в мире — критерий, а переход к интенсивным формам бытия — порог, отделяющий человека цивилизации от позднего варвара.

Многое из того, что выделено и описано нами как признаки варварства, обнаруживается в обществах, по своим *формальным* характеристикам принадлежащих к цивилизации. Имеет место прямая консервация фрагментов варварства в ткани ранних, традиционных, экстенсивно ориентированных обществ. Вообще

¹⁷ Поэтому он противостоит широкому проникновению рынка в жизнь общества и тяготеет к государственной экономике.

говоря, чем «восточнее» общество, чем в большей мере ориентировано оно на цикличность, статику, самоподдержание в неизменном виде, тем сложнее и медленнее идут в нем процессы ассимиляции и тем шире анклавы, где доминируют чисто варварские и архаические модели. Варварство и архаика в латентных формах веками пребывают в теле, казалось бы, зрелого государства, прорываясь временами дикими бунтами, оборачиваясь непреодолимой преступностью, вырываясь наружу полной деструкцией социального тела в эпохи гражданских войн. В нашем веке архаическая компонента оборачивается органической неспособностью страны перейти к интенсивным формам бытия.

Мы выделяем в мировой истории ключевой процесс, который обозначаем как «фазовый переход». Он состоит в окончательном отходе общества от экстенсивных стратегий бытия и принятии интенсивной ориентации как ведущей и определяющей. В устоявшейся системе номинаций «фазовый переход» совпадает с утверждением зрелого капитализма. Как показывает история, в процессе «фазового перехода» воспроизводство архаической компоненты общества и культуры окончательно подрывается, а носители архаики отбрасываются на глубокую периферию социальной жизни. В обществах, не прошедших этот драматический этап развития, варварство и архаика могут жить рядом с новыми моделями бытия, порождая самые причудливые сочетания, заставляющие вспомнить шпенглеровскую идею псевдоморфоза.

Этнолог и историк Ю. Кобищанов различает три типа цивилизаций. Первичные, или очаговые, цивилизации древнего типа — Египет, Инки. Вторичные, возникшие на обломках первичных, — Рим, Сасаниды, Исламская цивилизация. И периферийные, возникшие в результате цивилизационного «прогрева», — такие как Русь, Болгария¹⁸. В контексте нашего рассмотрения эта типология имеет принципиальное значение. Первичные цивилизации сверхустойчивы, но архаичны по природе и не способны к развитию. Общеисторический смысл первичной цивилизации состоит в переборе человека через порог, отделяющий преисторию от истории. В момент своего возникновения вторичная цивилизация располагает субстратом, который освоил цивилизацию как естественную и единственную модель бытия. Этот субстрат был вписан в организованный по законам цивилизации вмещающий ландшафт. В активе вторичной цивилизации — архитектурная среда, дороги, предметное тело культуры, устойчивая система хозяйственных связей, технологическая, социальная культура и т. д. Степень разрушения всего этого, если человеческий субстрат и живая традиция сохранились, не имеет принципиального значения. Более того, деструкция изначального целого даже необходима, поскольку помогает сломать преэссенциальность исторически исчерпанного и выстроить новую цивилизацию, опираясь не на модальные различия, а на достигнутый уровень.

Периферийные цивилизации лишены всего этого. Они утверждаются на «голом месте», вне обжитых цивилизацией пространств, лишены традиций государственности и могут опираться лишь на собственную культуру поздневарварского общества, пришедшего к становлению государства. Периферийные общества хронически страдают от острейшего дефицита цивилизационного ресурса, который в принципе нельзя импортировать или воспроизвести из себя в течение ограниченного срока. Накопление цивилизационного ресурса — кумулятивный процесс, требующий многих поколений. В результате всего этого складывается малоустойчивая система, в которой сохраняются огромные пласты переработанного или минимально переработанного архаического материала. Подобное социокультурное целое несет в себе большие внутренние напряжения, хронически склонно к деструкции и тяготеет к жестким политическим структурам. Последнее естественно, ибо только абсолютная власть оказывается в состоянии смирить догосударственную стихию, бурлящую в недрах такого общества.

¹⁸ См. Африка: культурное наследие и современность. М., 1985.

В контексте напряженной исторической динамики, которая разворачивалась в последние столетия, периферийные цивилизации попали в исключительно неблагоприятные условия. Включившись в ход мировой истории позже лидирующих сегодня обществ,— а последние сплошь представляют вторичные цивилизации,— общества, рожденные в рамках периферийной морали, вынуждены в догоняющем развитии обретать системное качество, на создание которого в зоне устойчивых очагов цивилизации ушли тысячелетия¹⁹. Это порождает противоречия, способствующие проявлению в их истории архаических и варварских тенденций.

¹⁹ Разговор идет именно о качестве, его нельзя импортировать или создать усилиями самой мощной системы образования, массмедиа, технологиями. Только неизбежное изменение человеческого субстрата общества в ходе естественного кумулятивного процесса дает догоняющим обществам шанс адаптировать к себе интенсивные, зрелые цивилизационные модели. Освоив их и еще раз «переплавив» себя самое, такие общества могут делать следующий шаг на пути в будущее.

© И. Яковенко, 1995